

В шутку и всерьез

ЛЕНИН И АВЕРЧЕНКО — СЛОВЕСНАЯ ДУЭЛЬ

Если собрать воедино все, что написал Аркадий Аверченко о вожде революции, начиная с фельетона «Дар данайцев» и кончая «Королями у себя дома», получится своеобразная сатирическая Лениниана. Правда, Владимир Ильич в суматохе революционных свершений не обратил внимания на два «дружеских» письма Аверченко, адресованных лично ему, игнорировал также «Дюжину ножей в спину революции», изданную в Крыму в 1920 году. Однако когда эта книжка вышла через год в Париже, он наконец спохватился и отреагировал на нее коротким откликом «Талантливая книжка» в «Правде», в котором похвалил «озлобленного до умопомрачения белогвардейца». Похвалил с садистским сладострастием. Ему особенно понравилось, как голодные люди вспоминают, что они ели в старорежимной России, забывая при этом сказать, что на эту веселенькую жизнь при большевиках их обрекла именно революция. Восторг Ленина вызвало упоминание, что бывший директор огромного металлургического завода — теперь приказчик комиссионного магазина, причем он скромно умалчивает, что без этого директора на заводе царит бедлам. «Есть прямо-таки превосходные вещички, — писал Ленин, — напр., “Трава, примятая сапогами” — о психологии детей, переживавших и переживающих гражданскую войну». Действительно, хорошенькая вещичка, над которой плакать хочется, потому что это рассказ о растоптанном детстве.

Самым неожиданным был вывод Ленина: «Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять». Выполняя волю вождя, в 20-х годах в советской России принялись перепечатывать Аркадия Аверченко. Вышли книги «Развороченный муравейник», «Юмор былых дней», «Записки Простодушного», «Подходцев и двое других» и множество небольших книжечек в различных юмористических библиотечках.

Для всех нас долгое время оставалось загадкой: знал ли Аркадий Аверченко о такой высокой оценке своего творчества Лениным? Как воспринял похвалу своего злейшего приятеля? Оказалось, не только знал, но и откликнулся ироничной репликой в фельетоне «Pro domo suar» («Presse du Soir», Константинополь, 1921г.).

Pro domo suar **(В защиту себя и своих дел)**

Хорошо раньше жилось писателю. Тихо. Никто к нему не приставал, не беспокоил, и он пописывал, а читатель почитывал.

Не то — теперь, в наше горячее раскаленное время.

Оказывается, нынче друг-писатель нащупал дорогу к другу-читателю, да такую краткую дорогу, что и сам не рад.

Написал я летом фельетон о греческом способе ведения войны и слегка коснулся «в теплых дружеских тонах», как говаривал Н. Н. Брешко-Брешковский, — ихнего греческого вояки генерала Папуласа.

Греки на это очень обиделись. Менее активные сказали в один голос, что я получил за фельетон от Кемаля 500 лир (ей-Богу не получал!), а один из более активных был встречен однажды на пути Пти-Шан моим знакомым русским полковником.

— Здравствуйте, полковник. Не знаете ли, где живет Аркадий Аверченко?

— А вам зачем?

Вынул мужественный грек револьвер, помахал им в воздухе, как индеец томагавком:

— Я его застрелю. Он обидел в лице Папулоса всю греческую нацию.

Это было летом. Теперь зимние вихри жалобно воют свою жуткую песнь, а мужественный грек до сих пор не дошел от Пти-Шан к моему дому на углу улицы Сутерази... Положим, на скрещении Пти-Шан и Перы такое бойкое движение, что он, вероятно, стоит там до сих пор и ждет, пока пройдут все трамваи и автомобили.

Боюсь, что к весне этот легендарный грек с пистолетом покажется уже в районе Токатлиана.

* * *

Второй случай «единения читателя с писателем» произошел совсем на днях.

Пришел ко мне один юный сын Марса русского происхождения и, дохнув на меня обольстительным винным букетом, подозрительно спросил:

— Это вы написали «Записки Простодушного»?

Отпираться было бы бесполезно. Очевидно, маска была сорвана с меня начисто.

— Я написал, — застенчиво признался я.

— В этой книге вы оскорбили, во-первых, моего друга персонально, во-вторых, всю корпорацию аристократов!

К чести моего посетителя нужно признать, что слова «персонально» и «корпорация» — он произнес несколько запнувшись, будто ногой за порог зацепился.

— Неужели я оскорбил кого-нибудь? Экая досада! Значит, резвое перо не в ту сторону заскакало. Однако, что ж теперь делать? Ведь книга отпечатана.

— Вы должны дать моему другу удовлетворение!

— Какого сорта?

— Такого. Обыкновенного.

— Слушаюсь. Однако в данном случае столкнулись две корпорации: писательская и аристократическая. У каждой есть свой суд чести. Мы их соберем, пусть они обсу-

дят сообща, и, если я действительно оскорбил и должен дать удовлетворение, — мы с вашим доверителем с удовольствием ухлопаем друг друга.

— Это не отговорка? — подозрительно спросил он.

— Что вы! Да если бы нужна была отговорка, — я просто сказал бы, что у меня зубы болят и мне сейчас вообще не до того.

— Согласен, — задумчиво сказал он. — Передам. А все-таки (в голосе его звучала пылкая задушевность) зачем вам было такие оскорбительные вещи писать? (Тут он икнул довольно мелодично.) Мы считали вас борцом с этими... с большевиками, вы наш... Лестор Нетописец, а вы все про графинь да князей. Нехорошо!.. А еще Простодушный. Ну, прощайте. Я дам этого... ответ. Можно вас поцеловать?

Последнее несколько неожиданное предложение было, очевидно, следствием его личных лирических эмоций («Вы ужасно симпатичный, Аркадий Матвеич!»).

Мы облобызались, и это дало мне категоричную возможность определить, что излюбленный напиток посетителя — доппель-кюммель.

Удалялся он с самым дружелюбным видом.

* * *

А третье беспокойство — и самое главное — свалилось на мою голову вчера.

Перефразируя слова поэта, я могу сказать:

Сам Ленин вдруг меня заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Теперь у меня есть гордое чувство, что я принес России ощутительную пользу — отнял у Ленина часа полтора своей особой, значит, одним декретом меньше, значит, десятью не расстрелянными больше. «И то хлеб», как сказал один сборщик продналога, вешая на воротах бесхлебную старушку.

А с другой стороны, я серьезно обеспокоен: что обо мне подумают мои друзья, если сам Ленин начал меня хвалить?

Действительно, что-то подозрительное. Человек хлещет в своей книге большевиков, что называется, и в хвост и в гриву, а самый главный вдруг пишет, что «некоторые рассказы нуждаются в перепечатке».

Ой, боюсь я этого данайца, приносящего мне дары пылких комплиментов... Хвалит, хвалит, а потом вдруг какой-нибудь Иорданский и хлопнет в «Пути»: «Советский представитель Аркадий Аверченко пишет нам из Константинополя...» Ой, товарищи, не погубите! Ведь тут не скоро отмоешься...

А возможно, что эта удивительная статья самодержца всероссийского просто верх падения (или низ — как хотите) всей коммунистической системы: сначала концессии, потом Госбанк, потом свободная торговля и уже на самом дне пропасти — комплименты «озлобленному до умопомрачения белогвардейцу Аркадию Аверченко», как характеризует меня Ленин.

Раз я «озлобленный белогвардеец» — как же можно говорить, что мои «рассказы заслуживают перепечатки. Таланты нужно поощрять»?

А ну — поверь я вдруг да сдуру вернись в Советскую Россию?

Энти поощрят. Так поощрят, что буду я, издырявленный, сквозить, как ажурный чулок.

* * *

Очень сейчас беспокойно живет русскому писателю... Ругают тебя — обидно. Хвалят — еще хуже. Сижу и думаю: а не организовать ли «Общество защиты писателей от ласкового обращения»?

*Вступление и публикация
Рафаэля СОКОЛОВСКОГО.*